

тана на среднего любознательного читателя, который по беглым замечаниям в книге может неправильно понять и истолковать важнейшие события римской истории. Многие важные факты, как ясно из вышесказанного, останутся ему совсем неизвестными.

К сожалению, в книге не выдержан принцип синхронного изложения событий. Он проведен только в хронологической таблице, приложенной в конце книги. Если история римского государства излагается с III в. до н. э., то история Восточной Азии — только в первые века уже нашей эры.

Том содержит интересный, обильный и свежий фактический материал; его построение оригинально. Однако многое в книге требует более убедительных доказательств а с рядом положений, равно как и с методологией авторов, нельзя согласиться.

Н. И. Голубцова

J. VAN OOTEGHEM, Pompée le Grand bâtisseur d'Empire, Bruxelles, 1954, 665 стр.

Рецензируемая книга представляет собой фундаментальное исследование, написанное на основе огромного материала источников и литературы. Монография снабжена библиографией объемом в двадцать страниц.

Книга Оотегема является по существу общей работой по римской истории, охватывающей период с III до середины I в. до н. э. Специальное же внимание в работе уделяется последним годам республики, событиям этого бурного периода.

Читатель найдет здесь богатый материал по военной истории Рима, изложение которой дается в связи с биографией Гнея Помпея: борьба Помпея с марианцами, его сражения с Лепидом, Серторием, со Спартаксом — все это, по мнению автора, только блестящие военные кампании Гнея Помпея, и мы напрасно стали бы искать у него объяснения внутренних причин, обусловивших эти события.

По мнению Оотегема, существовала прямая связь между расширением границ римского государства и созданием империи, в чем, как полагает автор, заключается особая заслуга Помпея (стр. 283, 648). Используя большой материал разнообразных источников, Оотегем сообщает мельчайшие подробности сражений, приводя цифры относительно оснащения флота и сухопутных войск обеих сторон (стр. 172—173). Известный интерес представляет исследование Оотегемом статута Помпея об Азии (стр. 244—253). Основываясь главным образом на данных Страбона и письмах Плиния Младшего к Траяну, используя известные источники (Цицерона, Плутарха, Аппиана, Евтропия), Оотегем исследует организованные Помпеем одиннадцать политей, и типы их администраций.

Последние главы монографии: «Начало гражданской войны», «Цезарь завоевывает Италию», «Цезарь в Галлии и в Испании», «Диррахий», «Фарсалы» (стр. 468—641), посвященные взаимоотношениям Цезаря и Помпея и развернувшейся между ними борьбе, также содержат обширный материал по военной истории, интересные подробности наиболее примечательных сражений, схемы, фотографии и контурные карты.

Большое место в монографии занимает и внутренняя история Рима: излагается общий ход событий и та острая политическая борьба, которая происходила в Риме в последние годы республики. Но события скорее описываются, чем анализируются. На основе хорошо известного и определенным образом подобранного круга источников Оотегем комментирует события этого времени в плане показа личности Помпея. Его деятельность представляется Оотегему чрезвычайно важной для укрепления римского государства, оказывающей решительное влияние на ход политических событий.

Какова же концепция автора? Как видно уже из заглавия книги, Оотегем поставил себе цель написать о Гнее Помпее как о строителе империи. Проблема роли диктатуры Помпея в создании предпосылок для возникновения императорского режима

в Риме, несомненно, представляет значительный научный интерес. Однако вопрос о создании империи и возникновении императорского режима вряд ли может быть решен всесторонне, если ограничиться, как это делает Оотегем, рассмотрением только деятельности Помпея, абстрагируясь от анализа всех политических и социально-экономических условий рассматриваемого периода. Да и самому термину «империя» дается одностороннее толкование: автор считает Помпея строителем империи только в том смысле, что он своими войнами значительно расширил территорию римского государства.

Оотегем уделяет много внимания возвышению Помпея, росту его влияния и могущества. Автор объясняет возвышение Помпея не его стремлением к диктатуре, на что есть прямые указания в источниках¹, а исключительными чертами его характера, авторитетом и всеобщей любовью к нему современников. Автор стремится убедить читателя в исключительной «добродетельности» и «справедливости» всех мероприятий Помпея, представить его мучеником за свободу, за республику, за традиции предков — принципы, которые менее всего могут быть совместимы с императорским режимом вообще.

Известно, что подобные взгляды на роль Помпея в истории Рима уже высказывались в литературе² и, следовательно, точка зрения автора не отличается оригинальностью. Оотегем идет, в частности, вслед за Э. Мейером, который считал непосредственным предшественником Августа не Цезаря, а Помпея. Тем не менее Оотегем вынужден констатировать, что победителем из борьбы вышел все-таки Цезарь, а не Помпей, что Цезарь первый в сущности утвердил императорский режим в Риме. Победу Цезаря автор объясняет тем, что он «был истинным популяром и не только всецело принадлежал к этой партии, но и возглавил ее. И эта партия выдвинула его» (стр. 643). Помпей же, продолжает Оотегем, как «образец подлинного отечественного патриотизма, не принадлежал ни к какой партии: ни к партии популяров, ни аристократов, и он стал жертвой этой беспартийности».

Трудно усмотреть какую-нибудь разницу в классовых интересах, которые защищали Цезарь и Помпей: это были интересы класса крупных земле- и рабовладельцев. Хотя и Цезарь и Помпей добились диктатуры путем сосредоточения в своих руках высших республиканских магистратур, но диктаторская власть Цезаря качественно отличалась от власти Помпея, чего, повидимому, Оотегем не видит. Изменяя, как и Сулла, римскую конституцию (чего не делал Помпей), используя результаты, уже достигнутые Помпеем, Цезарь добился для себя пожизненной диктатуры, не имеющей ничего общего с диктатурой Помпея — временной диктатурой старореспубликанского характера. Что касается монархических идей Цезаря, то они оформились под влиянием политических институтов Востока. Оотегем оставляет без внимания эти соображения и совсем пренебрегает теми важнейшими обстоятельствами, без учета которых вообще не может быть правильно решен вопрос о причинах возникновения императорского режима в Риме. Автор, например, не учитывает таких важнейших явлений, как превращение Рима из государства-города в средиземноморскую державу, прогрессирующее развитие рабства, дальнейшее углубление социальных противоречий, т. е. тех причин, которые с неизбежностью вели к ликвидации в Риме республиканского политического строя и замене его империей. Поэтому, несмотря на полноту и ценность материала, собранного Оотегемом, его толкование роли Помпея в установлении в Риме монархического режима неизбежно оказывается односторонним, а его концепция истории поздней Римской республики не представляется убедительной

С. Р. Кум

¹ App., BC, II, 20; Cic., Ad Quint., fr. III, 4,6; Plut., Pomp., 53—54.

² Ed. Meyer, *Caesars Monarchie und das Principat des Pompejus*, Studt. — B., 1919; M. Gelzer, *Das erste Konsulat des Pompejus und die Übertragung der großen Imperien*, B., 1923.